

Россия сегодня и после полуночи

Источники и историография

Мне представляется важным уделить внимание тому, что в академическом лексиконе именуется критикой источника.

При подготовке научной публикации (статьи или монографии) ученый обязан проанализировать работы, выполненные по рассматриваемой теме другими исследователями. В данном случае следует оценить работу некоторых экспертов, активно выступающих с экономическими и политическими прогнозами о будущем России и в целом об экономической и политической ситуации в Европе. Необходимо обратить внимание на выступления ряда экспертов на YouTube-каналах, имеющих значительную аудиторию. Отмечу, в частности, двух людей, на чье мнение относительно экономической ситуации в России многие ссылаются, – это С. Алексащенко и Д. Некрасов. Именно в их выступлениях систематически звучат суждения о наличии в российской экономике значительного запаса прочности. Эти (и подобные им) рассуждения именно российских экспертов поддерживают распространенную в западных медиа точку зрения о том, что в войне на истощение у России гораздо больше шансов одержать победу.

Мне представляется важным обратить внимание на биографию людей, высказывающих подобное мнение. Так, С.В. Алексащенко на Западе считается авторитетным экспертом в силу длительного периода работы на государственной службе на высших руководящих должностях: в середине 1990-х он был заместителем министра финансов РФ и заместителем Председателя Центробанка РФ. Бесспорно, при формальном взгляде на этот послужной список может возникнуть впечатление, что суждение человека с такой успешной карьерой заслуживает всяческого доверия. Однако следует повнимательнее присмотреться к результатам работы Алексащенко на этих высоких должностях. Согласитесь, мнение известного хирурга, чьи пациенты

в основном умирали после проведения рискованных хирургических вмешательств, вряд ли будет убеждать здравомыслящего человека воспользоваться клиническими рекомендациями подобного специалиста. Между тем Алексащенко был заместителем министра финансов С.К. Дубинина и заместителем Председателя Центробанка (того же С. Дубинина, когда он был переведен из Минфина в ЦБ), именно в период, когда была построена пирамида ГКО. Эта пирамида в конечном счете привела к дефолту в Российской Федерации в августе 1998 г. Фактически С. Алексащенко несет персональную ответственность, во-первых, за построение в России порочной финансовой системы и, во-вторых, за ее крушение в конечном счете. Именно после дефолта в августе 1998 г. С. Дубинин со своей командой был отправлен в отставку. Впрочем, ни он, ни его ближайшие соратники не пострадали. Так, сам С. Дубинин занял более чем комфортное место члена правления Газпрома. Таким образом, итоги практической профессиональной деятельности самого Алексащенко на госслужбе являются более чем сомнительными.

Обратим внимание на удивительную схожесть ситуации с российскими финансами тогда и сейчас. Тогда была пирамида ГКО, сегодня – пирамида ОФЗ. Сегодня, как и в середине 1990-х, основным средством влияния Центрального банка на российские макрофинансы является проведение системы аукционов РЕПО. С той лишь только разницей, что тогда на аукционах РЕПО на ссуды, предоставляемые Центробанком, коммерческие банки покупали ГКО, а сегодня – ОФЗ. Суть дела одна и та же: государственные финансовые обязательства наполняют все большую долю баланса банков. В момент, когда государство в силу стечения ряда критических обстоятельств окажется не в состоянии обслуживать свой долг, непременно произойдет крушение банковской системы. В балансах у коммерческих банков сегодня все больше и больше плохих долгов, и все больше и больше ОФЗ. Напрашивается аналогия с конфискационной финансовой «реформой» последнего премьер-министра СССР В.С. Павлова. Она была предпринята, когда деньги вкладчиков государственных

сберегательных касс уже фактически «сгорели» в топке неэффективных государственных затрат.

При этом С. Алексащенко очень любит упоминать о том, что не только федеральный бюджет формирует реальную ситуацию в российской экономике. Он всячески ретуширует тот факт, что именно состояние государственного бюджета, в том числе и через систему аукционов РЕПО, определяет потенциально тяжелый кризис банковской системы. Ситуация, при которой дефицит бюджета фактически уже приближается к трети его величины в годовом исчислении, без всякого преувеличения является преддефолтным состоянием. Последующая мобилизация способна в короткое время привести, собственно, к дефолту. Нежелание либо неумение осмыслить взаимосвязь этих обстоятельств (а подчас и их прямое отрицание) является характерной частью экспертизы С. Алексащенко. В конечном счете, суть его суждений заключается в том, чтобы не преувеличивать лабильность российской финансовой системы и существенно преувеличивать способность российской экономики выдержать разного рода стресс-тесты вследствие появления тех или иных «черных лебедей».

Д. Некрасов является подлинным рупором экономической аналитики, комплиментарной Путинскому режиму. При этом сам Д. Некрасов был лишен степени кандидата экономических наук ввиду обилия плагиата в его работе, выявленного активистами движения «Диссернет». Напрашивается та же самая аналогия с неудачливым хирургом, который все прекрасно знает, только одна беда: его пациенты постоянно умирают.

Соответствующим образом выглядит его аргументация. Так на протяжении последних двух лет Д. Некрасов отрицал наличие кризиса в строительной отрасли на основании аргумента о количестве квадратных метров, введенных в строй. Однако проблема состояла не в том, как осваиваются ранее открытые кредитные линии, а в том, насколько хорошо эти квадратные метры продаются. В результате в начале 2026 г. бедственное состояние стройкомплекса РФ всем очевидно. Все вышесказанное отнюдь не

является каким-то личным выпадом. Речь идет о простом тезисе: доверять следует только тем экспертам, которые хотя бы каким-то образом в своей практической профессиональной деятельности продемонстрировали свою состоятельность.

Но правильный анализ – лишь часть проблемы. Даже при правильном диагнозе лечебные решения могут быть приняты совершенно неверные. Иными словами, из верного анализа следует сделать еще и правильные выводы, предложить верный прогноз. Здесь хотелось бы обратить внимание на чрезвычайно популярную в медийном поле фигуру доктора политических наук Валерия Соловья. Безусловно, значительная часть его репутации как прогнозиста связана с весьма смелой, но совершенно не подтвержденной информацией о смерти Путина и исполнении его обязанностей двойником. Я предложил бы вообще не обращать внимание на эту информацию по простой причине: ее невозможно проверить. Напротив, я рекомендовал бы серьезно относиться к В. Соловью как важному источнику информации. Мне представляется бесспорным, что он часто транслирует важный инсайд, которым его наделяют люди, находящиеся близко к политическим центрам принятия политических решений в России. Следует помнить, что именно В. Соловей был едва ли не единственным человеком, который во второй половине 2021-го года предсказывал вторжение России в Украину, указывая точную дату (плюс-минус два-три дня). Проблема в ином. Когда ты являешься транслятором инсайдерской информации, ты волей-неволей солидаризируешься с оценками ситуации, даваемой источником поступления этой информации. Действительно, В. Соловей точно предсказал вторжение России в Украину. Однако какие прогнозы на реализацию этого военно-политического решения давал В. Соловей в то же самое время? В целом ряде своих интервью украинским YouTube-каналам в январе-феврале 2022 г. Соловей выражал полную уверенность в скорой победе вооруженных сил Российской Федерации. Он неоднократно указывал (порой со снисходительной улыбкой) на колоссальную разницу в военных и

экономических потенциалах России и Украины. В. Соловей говорил о тотальном превосходстве России в качестве и количестве вооружения, полном превосходстве в силах и средствах, давая понять, помимо прочего, что Россия применит все новейшие оружейные разработки, которые якобы имелись на тот момент в ее арсенале. Сейчас, на пятом году войны мы видим, что прогнозы В. Соловья на развитие военно-политической ситуации в Украине совершенно не оправдались. Таким образом, мы видим верную информацию, почерпнутую из очевидно высокопоставленного инсайдерского источника, и вместе с тем совершенно неверный прогноз развития ситуации, связанный с психологической информационной зависимостью от того же самого источника, который являлся поставщиком конфиденциальной информации.

Говоря об экспертах, чья репутация основана на их опыте работы на высоких государственных должностях, следует также упомянуть А. Илларионова и М. Касьянова. А. Илларионов – многолетний экономический советник В. Путина, представляет, на мой взгляд, яркий пример эксперта-банкрота. Напомню, что вплоть до второй половины февраля 2022 г. А. Илларионов очень эмоционально отрицал возможность широкомасштабного вторжения России в Украину. При этом его академической этики не хватило для публичного признания ошибочности своего прогноза. М. Касьянов был менее категоричен, но также сомневался в возможности полнообъемной войны на том основании, что она «экономически невыгодна». Это указывает на возможную ошибочность даже самых рациональных по своей обоснованности прогнозов.

Другой пример – известный экономист В. Иноземцев, который считает мобилизацию крайне маловероятной именно по причине ее экономических последствий (то же пример слабости рациональной аргументации без учета понимания подлинных причин принятия политических решений). Также перед нападением России на Украину В. Иноземцев очень скептически оценивал его вероятность.

Таким образом, сейчас, когда речь идет об оценке развития экономической и политической ситуации в России и, по сути, о прогнозе на завершающую, горячую фазу российско-украинской войны, следует внимательно смотреть на качество ранее предоставляемой тем или иным источником информации и критически оценивать сами эти источники, с точки зрения профессиональной истории конкретных людей, служащих этими источниками.

Геополитические предпосылки и дальнейшее развитие ситуации в России

Мне представляется совершенно неслучайным тот факт, что В. Путин и другие деятели нынешнего российского политического режима неоднократно упоминали о некоей непрерывной 500-летней истории российской государственности. На первый взгляд, это можно связывать с общепринятым в российской историографии пониманием того, что основы московской государственности возникли вследствие военно-политических процессов, происходивших при великом князе Московском Иване III. На мой взгляд, в период правления Ивана III они были лишь только заложены. Фундаментальной точкой отсчета расцвета Московского государства, Российской империи и дальнейших форм постимперской государственности (квазиимперия СССР и недоимперия Российская Федерация) были предопределены полным установлением контроля Москвы над ядром Евразийского Хартленда (вынесем за рамки анализа проблему Центральной Азии как общепризнанной части Хартленда; для данного изложения она не принципиальна). Произошло это при Иване IV (Грозном). В силу известной европоцентричности отечественной исторической науки наибольшее внимание при рассмотрении истории Москвы в период правления Ивана Грозного уделяется Ливонской войне (и военно-политическим обстоятельствам, связанным с ней), т.е. экспансии России на Запад. Однако

гораздо более важным для всей истории московско-петербургской государственности стала экспансия Московского государства на Восток и завоевание территории Сибирского ханства, а позднее Пегой Орды. Оно обеспечило установление контроля Москвы за ядром Хартленда и стало гарантией экономической основы дальнейшей российской экспансии. Условной исторической реперной точкой мне представляется момент существования «златокипящей Мангазеи». Именно процветание Мангазеи и других форпостов колониального господства Москвы в Западной Сибири и стало точкой отсчета времени, когда разграбление сибирских богатств стало экономической основой существования Московского государства. С тех пор – от истребления пушного зверя во второй половине XVI в. до варварской добычи нефтегазовых ресурсов во второй половине XX в. – богатство Сибири и Уральского региона являлись и являются безусловной основой самой возможности Москвы (Петербурга) строить империю и проводить экспансионистскую внешнюю политику. Вызовом будущему развитию государственности на территории современной Российской Федерации и является вопрос о наличии у нее полного контроля за Хартлендом.

В качестве основы для гипотезы возможного дальнейшего развития событий на политическом пространстве нынешней Российской Федерации следует обратить внимание на историческую судьбу ядра Хартленда. В IX в. и X в. борьба за контроль над ним происходила между Киевской Русью – типичным западным средневековым государством на Западе и в разное время тюркскими государствами – Хазарией и Волжской Булгарией – на Востоке. Понятно, что религиозная принадлежность верхушки Хазарского каганата на позднем этапе его истории к иудаизму некоторым образом усложняет этот анализ. Однако не стоит забывать, что формально великим каганом Хазарии даже в этот период становился тюркский принц из династии Ашина (не говоря уже о том, что большинство населения Хазарского каганата принадлежало к тюркским племенам). С момента сокрушения Андреем Боголюбским мощи Волжского Булгара в XII в. решающее влияние на этой территории приобрела

русская сторона. Вместе с тем полного контроля она никогда не имела. Впервые исторический момент полного контроля над Хартлендом был реализован только в рамках империи Чингисхана в части, касающейся Джучиева улуса. Колониальные успехи Московского государства поставили Хартленд под контроль Москвы, а позднее Петербурга на последующие 500 лет. Нетрудно заметить, что ключ к будущему, возможному в случае утраты Россией структурного политического единства, контролю над этой территории находится в руках возможного объединения поволжских и западносибирских субъектов РФ, где компактно проживают представители этносов, исповедующих ислам. Это наиболее пассионарная и в теории хорошо организующаяся часть российского общества.

В этом контексте надо сказать, что русские в данный момент не могут рассматриваться как этнополитический субъект. Мне представляется совершенно бесполезным и ненужным говорить сегодня о том, в какой мере национальная самоидентификация русских до 1917 г. была неразрывно связана с идеей православной империи. Более важным представляется тот факт, что политическим субъектом они, безусловно, были. События Февральской революции и Октябрьского переворота 1917 г. и дальнейшей Гражданской войны это доказывают. Величайший триумф Советского Союза – победа во Второй мировой войне это доказывает в еще большей степени. Для правильного понимания этого вопроса достаточно ознакомиться с текстом знаменитого тоста Сталина «За здоровье русского народа!». Однако советский период представлял собой эксплуатацию ресурсов русских (прежде всего количественных) в интересах коммунистического имперского строительства при полном уничтожении остатков его национально-религиозной самоидентификации. История путинского режима представляет собой попытку неудачной апелляции к этой же самоидентификации, но в предельно упрощенной форме: на уровне неких остаточных исторических инстинктов. Русские в данный момент предельно атомизированы, предельно оболванены взаимоисключающими комплексами и практически полностью зависимы от

репрессивного аппарата нынешнего политического режима. Демографический кризис русских (прекрасно показанных, например, А. Ракшой) позволяет уверенно говорить об их скором исчезновении как исторического субъекта. Именно с этим связаны справедливые прогнозы многих экспертов, что движущей силой политических перемен в России может быть только дворцовый переворот, революция сверху (перестройка 2:0) и тому подобные варианты развития событий. Ясно, что все они представляют собой лишь тактический уровень, имеющий ввиду попытку видоизменения режима, для того чтобы жизнь его верхушки стала, «как до февраля 2022-го года». Единственной организованной силой, имеющей соответствующую человеческую ресурсную базу, достаточно организованную, достаточно пассионарную, является исламское движение. В этом смысле звучащие от некоторых экспертов (для кого-то мрачные, для кого-то оптимистичные) прогнозы о том, что в нужный момент «чеченцы захватят Москву», являются лишь отражением этой реальности. Очевидно, что при революционном сценарии развития событий, хорошо организованное меньшинство в состоянии решить судьбу политического процесса в краткосрочной перспективе. При этом должно выполняться еще одно очень важное условие: это ничтожное, но хорошо организованное пассионарное меньшинство должно опираться на симпатии достаточно большой доли населения. Полагаю, что в данный момент в крупных российских городах, прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге, это требование соблюдается. Достаточно обратить внимание на последние события духовной жизни Петербурга в первой половине 2026 года: на коллективную молитву во время праздника Ураза-байрам на улицы города вышло больше людей, чем посетило православные храмы на праздник Рождества Христова. Но должно выполняться еще одно очень важное условие: наличие ясной и понятной политической и экономической программы, способной, во-первых, получить симпатии БОЛЬШИНСТВА населения, а, во-вторых, адекватной экономической программы и управленческих возможностей, способных обеспечить перехват

власти и успешную ее реализацию на первых порах в краткосрочной перспективе. Собственно, именно это и обеспечило политический успех Б. Ельцины. Опытный управленец и партийный аппаратчик (для молодого поколения, не помнящего советских реалий, напомню, что Б. Ельцин работал руководителем сначала Свердловской области, т.е., говоря современным языком, руководил субъектом федерации, затем города Москвы – в наши дни это должность Собянина; был кандидатом в члены Политбюро и министром правительства СССР), он смог организовать в своих интересах работу части бывшего партийного и советского аппарата, а также органов государственной безопасности, в своей массе перешедших на его сторону. Именно опора на пережившую в российский триколор и сменившую названия в кабинетах советскую номенклатуру обеспечила достаточную управляемость России в 1992-1993 гг. При этом должно выполняться третье условие – наличие мощной идеологической основы. Таковой в случае с Б. Ельциным стала идея демократических рыночных реформ, с той или иной степенью успешности осуществленная правительством Гайдара–Черномырдина.

Применительно к разговорам об исламском факторе возможных политических перемен в России такой идеологической основы в полной мере нет. Да, следует отметить, что в большей или меньшей степени ее абрис находится в рамках идей политического ислама, особенно в изложении Гейдара Джемалая. Однако этих идей совершенно недостаточно. Кроме того, у меня есть большие сомнения в реальной полезности этой идеи с точки зрения решения практических вопросов управления экономикой. Как человек консервативных убеждений, я исхожу из того, что успешное экономическое управление может быть только жестко праволиберальным. В противном случае система просто не работает.

Но самое главное: для обеспечения поддержки (или хотя бы молчаливого невмешательства) пассионарного меньшинства со стороны большинства населения деятели политического ислама должны

сформулировать ясное, четкое и позитивное послание русским, которые в большинстве своем считают себя христианами.

Дело осложняется тем, что широко тиражируемая в российских СМИ паточная картинка – православный священник поздравляет своего соседа-имаму с праздником Курбан-байрам, а тот его – с Рождеством Христовым, не имеет ничего общего с реальностью. Механизм взаимного признания – я уважаю твою религию, ты уважаешь мою – работает где-нибудь в Ливане или даже в США, но совершенно не работает в России. Во-первых, русские в своей массе не христиане: их православная самоидентификация, на которую любят указывать провластные социологи, является, в лучшем случае, проекцией культурно-исторического сознания. В действительности людей, которых можно назвать «члены православной церкви» (в американском четком юридическом звучании – members of the church) – не более 2% населения. При этом Московской патриархии, как коррумпированной части государственной машины, уделяется огромное внимание в публичном пространстве, совершенно несоразмерное ее реальному значению. Легко себе представить, что в случае турбулентного развития ситуации в России, к Московской патриархии (не только ее руководству, но и рядовым клирикам) будут претензии того же рода, что и активистам движения Deutsche Christen после поражения гитлеровской Германии во Второй мировой войне.

Во-вторых, реальное отношение российских властей к исламским общинам можно охарактеризовать как скрытые репрессии. Это не может не породить обид и даже определенного озлобления со стороны мусульман.

В-третьих, Московская патриархия существует со значительной опорой на государственный полицейский ресурс. Полная непрозрачность, распространенность сексуальной распущенности и финансовых злоупотреблений в определенный момент приведет к серьезной компрометации РПЦ как религиозной организации.

В-четвертых, омерзительная вовлеченность РПЦ в поддержку и оправдание агрессивной войны и военных преступлений в Украине неминуемо отрицательно скажется на ее моральном авторитете.

Интересы Европы

Европа в данный момент находится в исключительно сложном положении. Прежде всего следует отдавать себе отчет в том, что именно контроль над европейской политикой и экономикой, хотя и без физического военно-политического контроля за европейскими странами, и был конечной целью нападения России на Украину. Никому в Москве не приходило в голову, что Украина является проблемой *per se*. Конечный успех военных мер по принуждению Украины к вхождению в военно-политическую и экономическую орбиту Москвы не подвергался сомнению. Конечно, он не ставился политиками и военными в пропагандистской форме «Киев за три дня», но два-три месяца, безусловно, считалось более чем достаточным сроком, для того чтобы полностью взять Украину под контроль. Следует обратить внимание также на существование в Москве двух параллельных сценариев решения глобальных геополитических задач. Помимо нападения на Украину с целью взять ее под полный контроль, рассматривался вопрос также приобретения военно-политическими мерами контроля над Северным Казахстаном (план В) и нападения на Прибалтийские страны (план С). В данном случае А, В, и С является не очередностью, а условным наименованием трех параллельных планов. Насколько я могу судить по внешним признакам (начало концентрации войск, переброска флота из Балтийского моря в Черное и т.д. и т.п.), окончательное решение о том, что мишенью будет именно Украина, а не Казахстан, и не Прибалтика, было принято не ранее второй половины лета 2021 г. При этом турбулентность в Казахстане, связанная с отрешением от должности Нурсултана Назарбаева, с

конечным ostrанением от власти его клана, объективно давала Москве прекрасную возможность начать именно с Казахстана.

Адекватные политики в Европе прекрасно понимают, что именно они были конечной целью военной операции Москвы против Украины, которую можно себе представить условно как «на Европу через Украину». И ультиматум Рябкова, высказанный в конце 2021 г. – «НАТО: собирайте манатки и убирайтесь на границы 1997 г.!» – нагло, беззастенчиво, публично обозначил этот замысел. В этом смысле европейскую ситуацию можно охарактеризовать как игру с нулевой суммой: любой вариант плохой. На протяжении десятилетий связывая свое процветание с импортом энергоресурсов из СССР, а потом из Российской Федерации, Европа заложила в основу своей экономической организации серьезные дисбалансы. Достаточно сказать, что ситуация, при которой стоимость электроэнергии для промышленного потребления в Германии почти в два раза превышает таковую стоимость в США, безусловно, не дает возможности для самостоятельного бурного экономического развития. До решения энергетической проблемы (прежде всего путем создания в Германии новой атомной генерации) пройдет несколько лет, в течение которых эта ситуация не имеет шансов на улучшение. Экономический и политический кризисы (кризис социального государства, миграционный кризис и т.д.) не позволяют сделать решительный шаг вперед. Вместе с тем давление на Европу нарастает. Проблема также заключается в абсолютно недостаточном осознании европейскими элитами и широкими массами верхних слоев общества сути проблемы. Помню, как старший партнер одной из крупнейших адвокатских фирм Гамбурга, с которым я плотно работал, делился со мной в 2023 г.: «Мы в шоке, и только сейчас осознаем, что десятилетия выкармливали на свои деньги силу, которая смотрела на нас, как на свой завтрашний обед. Притом, что эта зависимость в конечном итоге стала совершенно критической». Подобным образом сегодня в Европе мыслит совершенно недостаточное количество людей. Но недооценивать потенциал Европы как самостоятельного игрока в украинском

кризисе нельзя. Вместе с тем, Москва и, очевидно, лично В. Путин сделали эту ошибку. Более того, они продолжают делать эту ошибку до сих пор. Фактически сегодняшние ожидания Путина от Европы представляют собой мало изменившийся план образца 2023-2024 г. Суть его заключается в том, что военное преимущество России над Украиной следует констатировать (и совершенно не беда, что в настоящее время его приходится скорее выдумывать, чем констатировать). Политические приобретения России по отношению к Украине следует, во-первых, признать, во-вторых, легитимизировать, и, в-третьих, экономическое сотрудничество следует вернуть к *status quo* до 2022 г. Очевидно, что у Европы нет никаких оснований признавать подобный подход. Ее позиция существенно усилилась по сравнению с довоенным периодом. Во-первых, европейским козырем являются результативные усилия по консолидированной военной и экономической поддержке Украины, последним этапом в развитии которой стал кредит на 90 млрд. евро. Вторым европейским козырем является политика отдельных европейских государств по прямой помощи Украине и деятельность в рамках сделки с американцами по покупке американского военного снаряжения. В-третьих, серьезнейшим козырем Европы являются замороженные российские активы, которые находятся под их контролем и позволяют обеспечить хотя бы минимальный ресурс послевоенного восстановления Украины. Он, разумеется, минимальный, поскольку 300 млрд долларов совершенно недостаточная цена, чтобы восстановить украинскую экономику после войны. Для этого, скорее, необходимы суммы в 700-800 млрд (до триллиона) долларов. Четвертым козырем Европы являются начинающиеся процессы региональной консолидации. На повестке дня заключение военно-политического союза между Швецией, Финляндией, Польшей, Румынией, Украиной и странами Балтии. Подобный военный блок при присоединении к нему Турции мог бы стать существенной альтернативой НАТО, при этом гораздо более боеспособной. Безусловно, при всех этих сценариях фундаментом новой архитектуры безопасности и обороны Европы

является новая украинская армия. Кардинальным элементом начала строительства этой структуры является обретение Украиной собственного ресурса баллистических ракет. Сегодня они существуют, скорее, в экспериментальном варианте. О моменте, когда такой ресурс возникнет (если он возникнет) мы узнаем по сводкам с поля боя и новостям о новых deep-strike в отношении России.

Резюме

Суммируя вышесказанное, можно обозначить несколько возможных сценариев развития событий.

Сразу повторяюсь: в данной публикации я не оцениваю возможность заключения Россией и Украиной перемирия при посредничестве и под давлением США. Не потому, что совершенно исключаю такую возможность, а лишь в силу того, что она может реализовываться только в силу стечения обстоятельств, которое в данный момент на просматривается. В данном случае я не выступаю в качестве военного эксперта. Профессиональной военной экспертизы довольно много в медийном пространстве, поэтому здесь констатирую простую вещь: Россия очевидно уперлась «в потолок» своих военных возможностей; фронт стоит, местами тактическая инициатива переходит к ЗСУ; существующих в распоряжении российского военного командования сил и средств недостаточно даже для решения простых локальных задач. Не думаю, что на уровне принятия политических решений в Москве до конца осознают сложившуюся ситуацию. Однако даже там очевидно, что без существенного усиления давления на Украину и ЕС как главного политического и экономического спонсора Украины Россия проигрывает войну. Строго говоря, еще два года назад я публично констатировал факт проигрыша войны Россией с точки зрения невозможности достичь изначально обозначенных целей. Бесспорно, это было ясно уже

осенью 2022 г. после успешных наступлений ЗСУ в Харьковской и Херсонской областях.

Однако вопрос состоит не в том, как видится поражение России извне. Ключевой вопрос будущего страны заключается в том, как это поражение видится изнутри. Еще в 2025 г. во время одной из наших публичных дискуссий с Русланом Кутаевым мы пришли к единому мнению: триггером серьезных внутриполитических процессов в России может стать только такое военное поражение, которое будет осознано каждым «недорогим» россиянином, каждым Зетником, каждым ура-патриотом. Дальнейшие процессы будут катализированы, с моей точки зрения, исключительно той самой «пробкой из “черных лебедей”» (т.е. совпадением во времени и месте нескольких фатальных факторов, которые могли бы взорвать ситуацию). Однако ощущение национального поражения должно быть таким же всеобщим, каким оно было, условно говоря, в феврале 2017 г. Даже невооруженным взглядом видно, что панические настроения подобного рода в российском обществе стремительно нарастают в последние недели. В такой ситуации диктатор В. Путин и его ближайшее окружение находится в положении цугцванга (zugzwang), когда любой следующий шаг ухудшает ситуацию.

Однако очевидно просматриваются следующие действия российской власти в рамках того очень незначительного поля для маневра, который у нее все еще остается.

1. Мобилизация. Не частичная, а действительно всеобщая мобилизация, при которой под ружье будет призвано не менее миллиона человек. Мне кажется очевидным, что эта мера тщательно готовится на протяжении всех последних месяцев. Удивительно, что для многих наблюдателей отдельные меры по ее подготовке (такие как ограничение социальных сетей и, шире говоря, доступа к альтернативной информации; меры по блокировке Интернета как профилактика укрепления горизонтальных связей в обществе; нарастающие ограничения в банковско-финансовой сфере и т.д. и т.п.) видятся как отдельные, не связанные друг с другом меры

ужесточения политики режима. Мне кажется очевидным, что это комплекс мер, направленных на конечное купирование возможного социального недовольства проводимой мобилизацией.

Насколько результативной будет эта мера с точки зрения возвращения России оперативно-стратегической инициативы в военной и дипломатической сферах? Думаю, что это приведет только к ухудшению ситуации (именно поэтому и характеризую ее как цугцванг). Здесь очень важная оговорка. На короткий срок давление на позиции ЗСУ на линии боевого соприкосновения существенно усилится за счет колоссальной интенсификации «мясных» штурмов. Вместе с тем просматриваются очевидные меры противодействия такому развитию событий, предпринимаемые командованием ЗСУ: расширение middle-strike (это ключевая вещь; именно middle-strike, а не привлекательные для широкой публики deep-strike определяют остаточные возможности ВС РФ); ускоренная разработка, испытание и принятие на вооружение собственных баллистических ракет; целый ряд военно-технических мер, призванных обеспечить преимущество ЗСУ в средствах связи, дронах и роботизированной военной технике. В том случае, если первый натиск резко увеличившихся российских сил, не оснащенных должными средствами, будет отбит, то это приведет к фатальным последствиям внутри России. Одно дело – гробы контрактников, по сути, продавших свою жизнь за значительную плату, а другое дело – 200-300 тысяч мобилизованных, погибших в первые же 2-3 месяца усилившихся боевых действий.

Другой аспект – сосуществование в войсках в одно и то же время военнослужащих с различным правовым и финансовым статусом (контрактников и мобилизованных). Эти факторы будут колоссальным катализатором негативных последствий. Иными словами, если Украина сможет без особых тактических потерь выдержать первые 2-3 месяца нового натиска после мобилизации, то эта мера обернется для внутренней динамики российского общества большой бедой.

Экономический эффект всеобщей мобилизации также будет фатальным: не буду повторяться, об этом писали многие компетентные экономисты. Проблема в том, что фатальным он станет не сразу, здесь нужен будет как раз период в 2-3 месяца, когда «посыпятся» целые существенные экономические блоки ввиду отсутствия соответствующего количества персонала и чрезмерной бюджетной нагрузки. Не будем забывать, что дефицит бюджета, который в данный момент может составить от четверти до трети его в годовом исчислении, стремительно вырастет и может запустить неконтролируемые процессы развала финансовой и денежно-кредитной сферы.

2. Помимо удара, собственно, по Украине, Россия, вероятнее всего, попытается нанести зондирующий удар по Евросоюзу (первые кандидаты – Латвия и Эстония), ставящий своей задачей запугать европейские страны, принудив их существенно снизить поддержку Украине (как минимум) или полностью сменить свою политическую позицию (как максимум). Мы не можем не понимать, что подобные расчеты имеют в своей основе здоровое зерно и нацелены на стремительные действия промосковских оппозиционных сил в европейских странах, например, таких как АДГ (Alternative für Deutschland – AfD) в Германии. Ясно, что опасность прямого нападения России на страны ЕС и НАТО в целом в Европе недооценивается, и реакцией на подобное нападение будет испуг и шок. С моей точки зрения, есть большие основания полагать, что наиболее решительно антироссийски настроенные политические силы в Европе тем не менее готовятся к такому сценарию. Расчет Москвы достаточно прост: «Ну, мы же должны, в конце концов, их напугать! Не может же такого быть, чтобы они не испугались!» Собственно, полярная точка московской риторики – ядерный шантаж, сфокусирована на этой же самой задаче. Полагаю, правящие круги в Москве все еще не способны осознать, что их изначальная ставка на захват контроля над Европой через политический и военный контроль над Украиной не сработала и не сработает уже никогда. Всеми виной абсолютно неадекватная картина мира, существующая в мозгах российского политического руководства (я не имею в

виду только Путина, а в самом широком смысле говорю о настроениях, царящих в высших эшелонах государственной власти и специальных служб). Точно так же, как и их изначальная убежденность в том, что Зеленский – клоун, Украина слаба и «прогнется» при первом же серьезном ударе, по большому счету до сих пор не поколебалась. Вот уже пятый год они пытаются это сами себе доказать. Изначальное презрение к Европе как к сборищу гедонистических вырожденцев продолжает превалировать среди российских силовиков и людей, имеющих отношение к принятию реальных политических решений. Подчеркну: я не имею в виду возможность широкомасштабной полноценной войны против стран Балтии по украинскому образцу. Это будет гибридная война, при которой наземные действия будут минимизированы, либо будут отсутствовать вообще. Никаких «танковых клиньев», марширующих на Таллин или Ригу, не будет. Скорее, это будут массивные воздушные атаки с демонстративным уничтожением военного потенциала Прибалтийских стран. Технически для России это не так уж и сложно. Возможны отдельные действия на земле, по принципу провозглашения Нарвской республики, хотя, на мой взгляд, они в данной ситуации маловероятны. Вместе с тем понятно, что при проведении мобилизации возможности использования большего числа сил при ограниченном числе средств будут возрастать. Это означает, что какое-нибудь объективно более слабое, недавно собранное и не очень слаженное боевое подразделение сухопутных войск вполне можно будет задействовать и на этом новом фронте.

3. Применение ТЯО по второстепенным целям в Украине, первоначально носящее демонстративный характер. Считаю это вполне вероятным.

4. Совершенно очевидна конечная неуспешность этих мер и возможность абсолютно неконтролируемого развития событий внутри России.

Что же может быть после этого?

Равновероятны два сценария. Первый – перестройка 2:0, при котором Путин объявляет о том, что он устал и он уходит, а к власти приводят людей, которых можно было бы представить в качестве неких младореформаторов. Условно говоря, президент – Д. Патрушев, премьер-министр – Д. Мантуров. Главной и единственной целью этой перестройки 2:0 с принятием видимости каких-то косметических реформ, будет немедленное замирение с Западом с попыткой вернуться в экономическое *status quo* до февраля 2022 г. Вместе с тем, если этому будет предшествовать нападение на страны Балтии, подобное развитие событий будет невозможным. Проблема в том, что этого не понимают в Москве. Им кажется, что даже если нападение на страны Балтии и мобилизация как попытка переломить ход войны в Украине провалятся, то можно будет просто «отыграть назад». Условно говоря, объявить: «Да, мы согласны на замораживание полей соприкосновения. Давайте снимать санкции». В Москве существует уверенность, что этот вариант Украина и Европа примут.

Второй сценарий можно условно назвать «приход к власти силовой хунты». В этом случае на фоне обманутых патриотических ожиданий власть перехватывают те представители руководства специальных служб, для которых действия Путина в настоящее время представляются слишком мягкими и не до конца решительными. Это наиболее вероятный сценарий, особенно в ситуации необходимости остро реагировать на хаотизацию экономики и общества в случае конечного неуспеха мобилизации и провала стратегии в отношении стран Балтии. Применение тактического ядерного оружия в краткосрочной перспективе этой, условно говоря, хунтой для резкого усиления своей переговорной позиции мне представляется весьма возможным. Однако весьма вероятно, что процесс хаотизации и развала экономики будет происходить настолько лавинообразно, что хунта в очень скором времени потеряет (если вообще обретет) рычаги контроля над ситуацией в обществе.

Здесь-то и возникает шанс для небольших пассионарных хорошо организованных групп на перехват власти на местах. Просматривается возможное образование «исламской дуги» Кавказ–Поволжье. При подготовке к этому сценарию особое внимание следует уделить тому, о чем я писал выше: немедленному предложению понятной и привлекательной общественной альтернативы для молчаливого русского большинства.